

*Новое время 1880,
№ 1465*

АХАЛЪ-ТЕКИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ

Не смотря на низкій уровень цивилизаціи текинскаго народа, женщина не находится въ такомъ жалкомъ положеніи, какъ мы привыкли ее встрѣчать у другихъ народовъ Востока, особенно Средней Азіи. Текинка не рабыня, какъ не рабъ и текинецъ.

Мнѣ въ первый разъ пришлось увидѣть текинку въ Арчмаѣ по дорогѣ къ Денгиль-Тепе, недоходя до послѣдняго на 70 верстъ — единственный аулъ, который встрѣтилъ насъ дружелюбно. Когда я въѣхалъ въ аулъ съ моимъ казакомъ, то насъ окружила масса народу и стараго и молодого, и мужскаго и женскаго; особенно меня поразило, что женщины были съ открытымъ лицомъ; въ послѣдствіи я узналъ, что женщины у всѣхъ кочевыхъ народовъ Средней Азіи не закрываютъ своего лица, не смотря на приказаніе корана. Старикъ и мужчины разныхъ возрастовъ стояли въ кучкахъ и о чемъ-то горячо спорили, женщины тоже болтали на непонятномъ намъ языкѣ, смотря намъ смѣло въ глаза, даже находились и такія, которыя смѣясь подтрунивали надъ нами; одна изъ нихъ, схвативъ моего казака за рукавъ, повела его въ кибитку, и предложила ему продать кислаго молока и хлѣба. Я самъ влѣзъ въ кибитку, приказавъ связать лошадей у самыхъ дверей кибитки.

Когда мы вошли туда, молодая текинка лѣтъ двадцати, разостлала хорошій коверъ; хозяйка въ это время въ углу кибитки приготовляла миску и кислое молоко, не упуская ни одного случая поболтать: видно было что любить говорить.

Кибитка наполнилась жителями аула, женщины стали ближе къ намъ, нѣкоторыя даже усѣлись, и не смотря на то, что вошло нѣсколько почтенныхъ стариковъ, онѣ ничуть не конфузились, и продолжали сидѣть, не

предлагая своего мѣста мужчинамъ; изъ этого я вывелъ заключеніе, что большая разница между текинкой и турчанкой, которая не то что не имѣетъ права сидѣть и находиться въ присутствіи постороннихъ, но даже и показать своего лица!

Непріятно находится въ такомъ обществѣ, въ которомъ слѣдятъ за всякимъ твоимъ движеніемъ, но, не смотря на все это, я не позабылъ про свое молоко, но уничтожить его совершенно было трудно, потому что хозяйка, поощренная моимъ подаркомъ, состоящимъ изъ пяти двугривенныхъ, совершенно новыхъ, доливала и доливала.

Окончивъ завтракъ, разсмотрѣвъ устройство кибитки и ея жителей, я хотѣлъ встать и возвратиться въ лагерь, но къ моему величайшему удовольствію мимо палатки прошелъ переводчикъ графа Борха, Наргесъ, котораго я позвалъ и черезъ него я въ первый разъ задалъ нѣсколько вопросовъ одному изъ текинцевъ, касающихся обычаевъ и нравовъ его народа и особенно женщинъ.

Рожденію дочери текинецъ радуется почти такъ же, какъ и рожденію сына, потому что онъ такъ падохъ до паживы, что съ рожденіемъ дочери онъ уже мечтаетъ о богатомъ «калымѣ» за красавицу дочь.

Родившись, текинка сразу становится членомъ кибитки, семейства, рода и племени: я сказалъ кибитки потому, что у текинцевъ существуетъ многоженство, и всякая изъ женъ приноситъ въ приданое свою собственную кибитку, въ которой она живетъ съ своими дѣтьми, не смѣшиваясь съ другими женами своего мужа. Первымъ воспитаніемъ и ухаживаніемъ за ребенкомъ, конечно, занимается мать, рѣдко даютъ это право рабынямъ; но только-что молодой текинкѣ исполнилось шесть лѣтъ, ее начинаютъ учить прясть, шить, вязать и дѣлать ковры и дорожки; съ текинскими коврами не могутъ сравниться по добротѣ, качеству и красотѣ даже персидскіе. Одна женщина въ продолженіи одного года способна сдѣлать два три ковра шириной въ пять аршинъ, а длиною до десяти, этими коврами устилаютъ свои кибитки, а дорожками обиваютъ кибитки, особенно въ праздничный день.

И такъ растетъ текинка, помогая своей матери работать до десятаго года или самое большое до двѣнадцатаго; въ это время, благодаря климатическимъ условіямъ и обычаямъ народа, дѣвушка становится способной быть матерью, въ это время и приглянулась она какому нибудь пятнадцати-лѣтнему мальчугану, который и отправляетъ своего отца торговаться съ родителями дѣвочки. Отецъ отправляется къ будущему тестю и спрашиваетъ сколько онъ хочетъ „калыма“ за свою дочь?

Начинается торговля. Одинъ проситъ сто барановъ и нѣсколько верблюдовъ, другой даетъ только пять-десять барановъ, двухъ верблюдовъ и до трехсотъ крановъ (текинско-персидская монета, равняющаяся 30 коп.). Будущій тесть не соглашается. «Не могу, она больше стоитъ. Ты только посмотри на нее: вѣдь, правда, хороша? Давай скорѣе, не скупись, лучше ея не отыщешь». Посмотритъ отецъ жениха на невѣсту, уже заранѣе приготовленную къ его пріѣзду, и—перестанетъ «скупиться». — «Такъ и быть,—я согласенъ, но скажи—чѣмъ она богата»? Начинается точнѣйшее перечисленіе невѣстинаго имѣнія. — «У нея три кибитки, пять ковровъ, четыре дорожки, столько — то халатовъ, ожерелье и множество другихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній: видишь мой другъ, какую находку ты нашелъ». — «Аллахъ милостивъ»! отвѣчаетъ отецъ жениха, совершенно удовлетворенный. На сцену выступаютъ рисовая каша и жареная баранина, съ которыми и расправляются по упрощенному способу—безъ вилокъ и ножей.

Но скверно тому жениху, которому нечѣмъ заплатить «калыма». Ему приходится отправиться съ подобными сотоварищами на грабежъ въ Персію, Афганстанъ или къ Аму-Дарьѣ, и тамъ остаться до того времени, пока неудастся ограбить богатый караванъ и взять нѣсколькихъ плѣнныхъ, которые ему пужны, какъ рабочая сила.

Въ большинствѣ случаевъ женихъ и не видитъ свою невѣсту, но только по слухамъ знаетъ, что въ Кизиль-Арватъ или Дурумъ находится богатая невѣста. Очень часто случается, что женитьба бываетъ украшена какимъ нибудь романическимъ происшествіемъ, которое всегда оканчивается удачно, если у жениха есть чѣмъ заплатить калымъ, но если

нѣтъ, то родня оскорбленной дѣвицы мститъ за нее, убивая преступника. Не рѣдко оканчивается ссора и примиреніемъ, т. е. молодца отправляютъ на быстромъ конѣ за добычей и онъ не имѣетъ права возвратиться прежде, чѣмъ награвитъ сколько ему нужно для уплаты «калыма».

Казнятъ ли провинившуюся дѣвицу — не знаю, но женщину раопутную не пускаютъ въ мечети и она не пользуется никакимъ уваженіемъ ни у родителей, ни у другихъ текинцевъ.

Но что любовь понятна текинцу, можно видѣть изъ богатой народной поэзіи текинцевъ, мотивы которой меня до того удивили, что я во что бы ни стало рѣшился собрать нѣсколько образцовъ, наглядно уясняющихъ многое въ жизни неизвѣстнаго всему міру народа.

Этой находкой обязанъ я любезности прапорщика Самата, татарина, говорящаго по текински, который въ одинъ прекрасный вечеръ позвалъ двухъ текинцевъ и, предварительно напоивъ ихъ коньякомъ, заставилъ пропѣть нѣсколько пѣсень. Прошу у читателей извиненія за плохой не рифмованный переводъ.

Готовъ и я. Верблюды навьючены,
Сняты кибитки хозяйскія...
Красавый край бросать мнѣ приходится!
Воды ужъ нѣтъ, родники всѣ повысохли,—
Какъ алмазъ, небо—чистое.
Не одинъ иду я въ степь глубокую,
Весь аулъ со мною тронулся.
И она идетъ, красавица...
Хороша она! Станъ—арабской лошади,
Брови—крылья ворона,
Рѣсницы—копья вострыя,
Берегущія очи черныя.
Очи черныя — звѣзды ясныя, —
А какъ взглянешь во все лицо ея бѣлое,—
Точно копья вострыя пронизываютъ
Въ груди твердой сердце нѣжное.
А волосы?! Что за волосы!...
Не хуже будутъ гривы лошади.
Не жестче шелка мягкаго,
Нѣжнѣй змѣиныхъ кожъ!
А ротикъ-то, кровью смазанный!
Горячѣе онъ, да въ десять разъ десяти
огней,
И полнѣе онъ въ десять разъ десяти
ручьевъ,

Слаще меда сладкаго.

Охъ! позволь же, ты красавица,
Прикоснуться къ ротнику, что теплѣе
пламени,

Что богаче богатаго ручья.

Тогда согласенъ буду, милая,
Съ тобой уйдти въ пустырь глухой,
Безъ воды прожить всю жизнь мою —
Съ тобой одной!

Боишься ты, что увидить отецъ
И прикажетъ: «брось ты бѣднаго!
Нѣтъ у него ни барана — ни единого,
А не то что родного стада верблюжьяго».
Эхъ! пусть его!.. Только люби меня,
милая!

Какъ полюбишь ты — такъ мнѣ все равно:
Убитымъ быть или задушеннымъ.
Согласна ль ты моя дѣвушка?
Убѣжимъ скорѣе въ горячіе пески,
Среди ласкъ любви посмѣемся мы
Надъ ночью темною,
Надъ ночью темною, надъ звѣздами ясными,
Надъ звѣздами ясными, надъ сѣдымъ отцомъ.
А догонять насъ — мнѣ все равно!
Мнѣ все равно — убитымъ быть...
Убитымъ быть или задушеннымъ.
И убѣжали мы въ пески горячіе,
Цѣловались столько разъ, —
Сколько звѣздъ на небѣ не было.
И вдругъ чортъ вскружилъ намъ голову,
Проспали почку темную —
Подъ небомъ голубымъ.
На зарѣ предъ нами сталъ
Отецъ свирѣпый съ саблей вострою
Грозилъ онъ мнѣ: «убью тебя!
Убью тебя, какъ персіянина!»
Отвѣтилъ я: мнѣ все равно —
Убитымъ быть. Убитымъ быть али за-
душеннымъ.

Но храбрый теке пощадилъ меня,
Пощадилъ съ такимъ условіемъ:
«Дамъ тебѣ я саблю вострую
И лошадь — быструю, какъ молнію, —
Отправляйся къ трусамъ Персіи
И ограбь ихъ ты, какъ слѣдуетъ,
Калымъ богатый приноси,
Дочку милую возьми, —
Дочку милую, несчастную...
А то, кораномъ я клянусь, —
Тебя убью, какъ персіянина.
И я поѣхалъ въ страны Персіи,
Ограбилъ я кибитки съ три,

Лошадей угналъ съ верблюдами,
 Богатый колымъ выплатилъ
 И взялъ съ собою мою милую.
 Мнѣ не все равно теперь —
 Убитымъ быть или задушеннымъ.

Значить, текинецъ, не смотря на то, что закаленъ въ кровавыхъ бояхъ и вѣчно занимается грабежемъ и убійствами, способенъ любить страстно и пламенно.

Текинецъ, какъ сказано выше, часто и не видитъ своей невѣсты до свадьбы, а только по слуху знаетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ находится невѣста, но онъ въ этомъ случаѣ узнаетъ не только богата ли она, но и свободная ли она текинка, и дочь ли она свободныхъ отца и матери. На рабынь онъ никогда не женится, даже и тогда, если дѣвушка—дочь свободного текинца и рабыни матери.

Значить, въ законный бракъ текинецъ никогда не вступаетъ съ рабыней, какой бы она ни была нація и вѣры, но не смотря на все это, красота плѣнныхъ персіянокъ ослѣпляетъ свирѣлаго текинца, и онъ не разъ пользуется правомъ хозяина. Тинъ персидскій между текинцами не рѣдкость, точно такъ же, какъ не рѣдкость рабыня-персіянка.

Въ какихъ отношеніяхъ находится хозяинъ текинецъ и его жена текинка къ плѣнной персіянкѣ можно видѣть изъ этой пѣсни:

«Не будь ты рабыней, прелестная персіянка.
 Владѣла бь сердцемъ молодымъ,
 Любила бы я тебя больше лошади,
 Больше кибитки родовой,
 Больше сабли окровавленной
 И копыя ядомъ смазаннаго.
 Но ты рабыня и быть матерью
 Не можешь сыну моему,
 Оставимъ поэтому грезы пустыя,
 А то увидать жены вѣрныя,
 Оцарапають тебѣ лицо бѣлое.
 Испортятъ плечи алыя,
 Отрѣжутъ косы черныя,
 Закують тебя въ цѣпи холодныя
 И будешь въ нихъ вѣчно мучиться...

Мнѣ жаль тебя, но все равно
 Полюбви ты меня, красна дѣвица,
 И бѣги за мною ночью темною
 И будемъ любить другъ друга,
 Любить другъ друга, пока ясная

Заря востока не покажется,
 Румянымъ покрываломъ укутанная,
 Неся на головѣ жемчужину,
 Звѣзду утреннюю, блестящую...
 Пойдешь ли ты? а то смотри
 Убью тебя, какъ персіянина,
 Злушай же, красавица!
 Уже кипитъ у меня кровь горячая,
 Сердце бьется молодецкое,
 И лошадь стоитъ, уже осѣдланная,
 А почъ, смотри ты, тоже темная.
 Темнѣе она глухой молчлы,
 Но жоротка, какъ жизнь людская,
 Пойдемъ, пойдемъ!"

Очевидно, положеніе красивой персіянки-рабыни становится невыносимымъ. Съ одной стороны она должна удовлетворять желаніямъ своего хозяина, въ противномъ случаѣ подвергается опасности быть убитой или вѣчно паходиться въ кандалахъ... Съ другой, бѣда отъ ревности ея хозяекъ, которыя, завидуя ея красотѣ, строго слѣдятъ за поведеніемъ рабыни и если что нибудь увидятъ подозрительное, то бьютъ несчастную, царапаютъ ей бѣлое лицо, отрѣзаютъ женское украшеніе—волосы и падѣваютъ на нее кандалы, тяжестію до пуда, пока ея красота до того утратится, что она перестаетъ быть опасной соперницей. Не разъ случалось, что когда рабыня родитъ ребенка, то остальные жены или его убиваютъ или немедленно продаютъ.

Но текинцы, по всей вѣроятности, ревнивы не только по отношенію къ своимъ рабынямъ, но тоже и по отношенію къ своимъ соперницамъ, женамъ ихъ мужей. По обычному праву этого народа, всякая женщина считаетъ за необходимость припрести изъ родительскаго дома кибитку, въ которой она послѣ свадьбы и располагается; эта кибитка есть ея собственность, надъ которой не имѣетъ власти и самъ мужъ: въ ней она вѣчно живетъ, не смѣшиваясь съ своими подругами. Въ случаѣ развода она имѣетъ полное право унести все имущество, которое она привезла изъ родительскаго дома,—значить имѣетъ право собственности.

На вопросъ мой, въ какомъ случаѣ текинецъ имѣетъ право требовать развода, мнѣ отвѣтили, что безнаказанно текинецъ имѣетъ право бросить свою жену только тогда, если она неродимка (т. е. бездѣтная), воторыхъ, если она страдаетъ какой нибудь хрониче-

скою—прилипчивою болѣзнію; потомъ если у ней пахнетъ изо рта и т. п. Тогда мужъ публично объявляетъ роднымъ своей жены и разводъ считается совершившимся. Мужъ въ этомъ случаѣ обязанъ, какъ выше сказано, возвратить женѣ все то, что она привезла изъ дому, но и онъ получаетъ обратно весь «калымъ», который далъ отцу невесты.

Если текинecъ застанетъ свою жену на мѣстѣ преступленія, то, на основаніи корана, и обычнаго права, имѣетъ право безнаказанно убить и ее и ея любовника. Не разъ случалось, что онъ въ этомъ случаѣ продастъ ее на рынкахъ, торгующихъ человѣческимъ мясомъ... Но изъ того, что мнѣ пришлось видѣть, я заключаю, что текинцы и текинки довольно нравственный народъ и нѣтъ такой распущенности, какую мы видимъ у персіянъ, іомудовъ, сартовъ и т. п.

Не смотря на то, что у текинцевъ женщина не рабыня, все-таки побить женщину считается дѣломъ обыкновеннымъ и безнаказаннымъ; впрочемъ подобную экзекуцію мы встрѣчаемъ у всѣхъ европейскихъ народовъ низкаго уровня цивилизаціи, особенно въ крестьянскомъ сословіи.

Но удивительно и необъяснимо то, что текинecъ ни во что не цѣнитъ свою старую жену, и если нужно, то онъ въ случаѣ нужды оставляетъ ее на произволъ судьбы; такъ мнѣ рассказывалъ пранорчикъ Самать, что онъ, когда дѣлалъ набѣги на колодцы въ пескахъ,

то, настигнувъ однажды текинскій аулъ, поднимавшійся съ мѣста, немедленно его атаковалъ. Текинцы, увидѣвъ свое безвыходное положеніе, оставили старыхъ бабъ, а молодыхъ взяли на быстрыхъ лошадяхъ и увезли ихъ въ пески. Одна изъ собранныхъ мною пѣсень говоритъ:

Я окруженъ—и все пропало!
Не въ плѣнъ-ли суждено попасть?!
Возьмутъ жену, дѣтей, кибитки,
Верблюдовъ всѣхъ возьмутъ они —
Наши враги
Бѣжать теперь мнѣ нужно стало,
Бѣжать и самъ Аллахъ велить!
Оставляю жъ я всѣхъ женъ моихъ;
Одну возьму, «ее» лишь только,
Лихой насъ конь умчитъ далеко
Въ глухую степь!
А тѣ—старье! Умри—не жалко.
Иль обрюзгла, иль стара...

А за дѣтьми не станетъ дѣло:

«Она» красива, молода.

И такъ бѣжимъ! Мой острый мечъ

Съумѣетъ путь для насъ просѣчь.

И такъ онъ, взявъ на лошадь любимую изъ своихъ женъ, бѣжитъ отъ преслѣдованія своихъ непріятелей; мнѣ кажется, что поставъ любого изъ насъ въ такое положеніе, онъ бы самъ это сдѣлалъ: «изъ двухъ золъ выбирай меньшее». Но на это текинецъ только тогда способенъ, когда уже испробовалъ всѣ способы къ оборонѣ или когда уже видитъ, что защита бесполезна.

Какое вліяніе имѣетъ женщина въ общественныхъ сходкахъ, положительно отвѣтить не могу; впрочемъ, видно изъ нѣкоторыхъ фактовъ, что она играетъ не пассивную роль. Такъ, на примѣръ, въ послѣдней ахаль-текинской экспедиціи мнѣ пришлось по всей дорогѣ слышать, что текинцы укрѣпились въ Денгиль-Тепе, взявши съ собой своихъ женъ и дѣтей; и на мой вопросъ: «почему они женъ и дѣтей не спрятали въ болѣе безопасное мѣсто», мнѣ отвѣтили, что хотя текинцы и

знаютъ, что урусъ не оскорбляетъ и не убиваетъ женъ и дѣтей, и что хотя они имѣютъ возможность укрыть ихъ въ горахъ или въ пескахъ, но все-таки и жены и мужчины не хотѣли согласиться на разлуку, а ханы, сердари и ишаки (имамъ) были за то, чтобы женщины присутствовали при сраженіи, подстрекали храбрецовъ и упрекали трусовъ.

Въ Средней Азіи не рѣдко встрѣчается, что женщина играетъ большую политическую роль; такъ, на примѣръ, въ Коканѣ Худояръханъ далъ женщинѣ чинъ датха (генераль-маіора) и она называлась Курмаджанъ-датха.

При оборонахъ крѣпостей или своихъ ауловъ, нерѣдконосящихъ женское имя («Змѣйдѣвушка», красавица-дѣвушка и т. п.) женщины тоже играютъ не послѣднюю роль, такъ, на примѣръ, при извѣстномъ штурмѣ Денгиль-Тепе 28 августа мнѣ пришлось лично видѣть, какъ женщины изъ-за стѣнъ и валавъ бросали камни; нѣкоторые солдаты утверждали, что ихъ поливали кипяткомъ:

Съ другой стороны, гдѣ находилась кавалерія, рассказывали мнѣ кавалеристы, что видѣли, какъ текинцы снимали съ убитыхъ текинцевъ оружіе и надѣвали на себя. Одна изъ нихъ въ то время, когда онѣ пытались выйти изъ аула, а наша кавале-

рія препятствовала имъ это сдѣлать, увидѣвъ это, долго болтала съ однимъ текинцемъ, а потомъ начала говорить съ однимъ нашимъ дагестанцемъ и обнявши у послѣдняго ноги, схватила его за руки и этимъ дала текинцу безнаказанно убить нашего кавалериста. Другая, неся на рукахъ грудного ребенка, долго болтала на непонятномъ намъ языкѣ съ однимъ казакомъ, умоляя его о чемъ-то, и неожиданно изъ просящей милости ставъ дикой и свирѣпой женщиной, бросила своего ребенка подъ копыта лошадей, бросилась на казака и схватила его за саблю, но окружающіе убрали оттуда «сѣумасшедшую бабу».

Про третью рассказывалъ мнѣ докторъ Н слѣдующее: еще не былъ произведенъ главными силами штурмъ Денгиль-Тепе, какъ я, въ это время находясь съ кавалеристами, встрѣтился лицомъ къ лицу съ выходящими текинками. Одна изъ нихъ еле-еле двигалась, поддерживая себя палкой. Увидавъ это, я спросилъ черезъ одного татарина, чѣмъ она больна? Но отвѣтъ былъ не нуженъ: я успѣлъ увидѣть на ея шароварахъ большое пятно крови. Дѣйствительно, при перевязкѣ оказалось, что ея бѣдренная кость въ двухъ мѣстахъ разбита вдребезги. И тѣмъ не менѣе, отъ этой женщины нельзя было услышать ни одного крика, ни одного стопа. Только разъ она спросила: «умру ли я»? «Конечно умрешь», отвѣтилъ ей дагестанецъ, на что она презрительно отозвалась: «такъ что же, пусть умру, но аллахъ дастъ намъ побѣду».

Сколько ихъ пало при штурмѣ Денгиль-Тепе отъ ружейныхъ и артиллерійскихъ выстрѣловъ—аллахъ одинъ вѣдаетъ, и все-таки онѣ не просили своихъ мужей сдаться джаурамъ.

Не менѣе интересный фактъ случился по пути изъ Денгиль-Тепе въ аулъ Дурума. Тамъ въ одной калѣ засѣлъ какой-то старикъ и упорно стрѣлялъ въ нашъ разъѣздъ, который, подумавъ, что тамъ устроена засада, принялъ должныя предосторожности, окружилъ кале и взялъ ее, но какая картина представилась передъ глазами разъѣзда: смертельно раненый текинецъ и возлѣ него какая-то старуха, заряжающая ему ружье...

Она ли самая, или—не знаю хорошо, другая, встрѣтила нашихъ солдатъ, искавшихъ дровъ, на порогѣ своего дома, и, держа пожъ

въ рукахъ, хотѣла ранить солдата. «Спасибо, старушка, ножъ пригодится», лаконически отозвался послѣдній и выхватилъ изъ рукъ ея острый ножъ...

Сколько я ни старался впоследствии узнать какія существуютъ героини въ этомъ народѣ, или, по крайней мѣрѣ, какія существовали, но узнать не могъ; только и слышала одну пѣсню, въ которой между прочимъ говорится:

«Не храберъ ты! Текинская жепщина
Во сто разъ храбрѣй тебя...
Не разъ она на лихомъ конѣ
Со мной въ бою была,
Не разъ въ кровавой схваткѣ
Труса къ прялкѣ привязывала,
Стыдись, мужчина, и женщина лучше,
Носящая прялку съ собой, и т. п.

Имѣютъ ли текинскія женщины какое-нибудь вліяніе на развитіе воинственнаго характера въ ихъ дѣтяхъ—сказать трудно, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ ихъ рукахъ первоначальное воспитаніе и текинскихъ мальчиковъ.

Женщина у текинцевъ имѣетъ право выходить съ открытымъ лицомъ, смотрѣть прямо въ глаза, всѣмъ приходящимъ, говорить съ ними, ссориться, мириться, она имѣетъ право присутствовать на общественныхъ пиршествахъ и увеселеніяхъ; съ ней не стыдится—мужъ, братъ, или сынъ вмѣстѣ обѣдать; впрочемъ, въ обыкновенной жизни раньше обѣдаютъ мужчины, а потомъ уже женщины, что мы и встрѣчаемъ почти у всѣхъ не культурныхъ народовъ. По отношенію къ мужу она имѣетъ право требовать суда и развода, какъ истинно свободная женщина. Тѣмъ болѣе удивительно равнодушіе текинца при ея смерти. Плакать о женщинѣ позволительно однимъ сыновьямъ и братьямъ.

Во время боя текинецъ щадить женщинъ только текинскаго племени, другихъ онъ немилосердно убиваетъ или увозитъ въ плѣнъ. Положимъ, послѣднее сдѣлать онъ не откажется и съ текинкой, но тогда онъ съ нею не стыдится вступить въ законный бракъ.

Не разъ случается, что молодой текинецъ сообщая съ своими друзьями увозитъ молодую текинку и беретъ ее въ жены. Эта эскурсія, какъ мы видѣли, рѣдко кончается безъ наказанія: похититель долженъ или уплатить богатый «калымъ» или его караулятъ и убиваютъ; часто тоже обращаются къ посредни-

честву духовныхъ лицъ. По всей вѣроятности, дѣло обходится иногда и безъ междоусобной войны у цѣлыхъ племенъ: кровная месть—принадлежность всѣхъ патріархальныхъ родовъ, а тѣмъ болѣе воинственныхъ.

Въ заключеніе моего маленькаго труда считаю не лишнимъ описать типъ и одежду текинской женщины. Текинки обыкновенно средняго роста, мускулистыя и довольно хорошо сложенныя, смуглыя въ родѣ нашихъ цыганокъ, глаза у нихъ всегда черныя, ротъ большой, волосы черныя, длинныя и густыя. Типъ у нихъ подходит къ монгольскому и, по моему мнѣнію, вовсе не красивый; съ виду онѣ кажутся старыми и изнуренными, что, впрочемъ, не удивительно: у нихъ начинается половая жизнь съ двѣнадцати лѣтъ. Одежда — разноцвѣтный халатъ, похожій на рясу нашихъ священниковъ, разшитый искусно разноцвѣтнымъ шелкомъ и довольно большихъ размѣровъ серебряный поясъ, украшенный на концѣ камнями сердолика; около шеи, на головѣ, въ ушахъ, однимъ словомъ вездѣ серебряныя украшенія, которыхъ у нихъ множество: результатъ шестивѣковаго грабежа въ Средней Азіи!..

И. Поповичъ-Липовацъ.

АХАЛЬ-ТЕКИНЦЫ

I.

Говорить о Туркменіи вообще я не могу, не имѣя достаточно данныхъ. Ограничу мою задачу описаніемъ одной отрасли Туркменъ, особенно знакомой намъ по прошлагодной экспедиціи, а именно Текинцевъ. Приводимыя ниже историко-этнографическія свѣдѣнія относительно этого племени почерпнуты мною отчасти изъ разказовъ туземцевъ, отчасти изъ записокъ полковника Куропаткина. Какъ увидитъ читатель, они весьма немногосложны. Текинцы одинъ изъ сильнѣйшихъ туркменскихъ родовъ, религіи магометанской, секты суннитской, владѣютъ полосой земли у подошвы Копендагскихъ горъ длиною до 280 верстъ, а въ ширину около 20. Дѣлятся на два поколѣнія: Тохтамышцевъ и Утемышцевъ, и на двѣ группы: Мервскихъ и Ахаль-Текинскихъ. Всего ихъ не болѣе 60.000 кибитокъ. Затѣмъ, Ахаль-Текинцевъ по образу жизни можно раздѣлить на кочевыхъ и полуосѣдлыхъ. Первые (горва) занимаются скотоводствомъ, вторые (гомуръ) земледѣльцы. Несмотря на высокое искусство съ какимъ они обрабатываютъ землю, обращая при помощи канавъ искусственнаго орошенія и другихъ приспособленій песчаную пустыню въ роскошный садъ, быть кочевникомъ у нихъ все-таки почтѣе нежели земледѣльцемъ. Земледѣлецъ вѣчно

привязанъ къ своему дому и землѣ, постоянно обремененъ ненавистною каждому Текинцу работой; война, набѣги, грабежъ—для него идеалъ недосягаемый. Притомъ въ случаѣ непріятельскаго нападена онъ теряетъ все, нерѣдко самую жизнь, въ то время, какъ вольной птицѣ-кочевнику стоить лишь перенести свое кочевье. Поэтому не удивительно что всѣ зажиточные члены рода принадлежатъ къ *горви*, бѣдные къ *гомуру*. Иногда впрочемъ случается что у кочевника отца сынъ землепашецъ и наоборотъ.

Сто лѣтъ назадъ Мервскій оазисъ составлялъ цвѣтущую персидскую провинцію. Бухарскій ханъ Эмиръ Моассумъ въ 1784 году овладѣлъ Мервомъ и опустошивъ этотъ богатѣйшій край, переселилъ жителей въ Бухару. Въ 1799 Мервъ занялъ туркменскій родъ Сарыкъ, а въ 1834 этотъ родъ вытѣснили Ахаль-Текинцы, до сихъ поръ признающіе власть Хивинскаго хана, власть совершенно номинальную, потому что они никогда не платили ему дани.

Вотъ и вся извѣстная намъ исторія текинскаго племени. Мнѣ удавалось слышать о существованіи грамотъ бывшихъ Текинскихъ владѣтелей, Чингирхъ-хана и Надиръ-шаха, будтобы опредѣляющихъ ихъ личныя и поземельныя права, но видѣть не пришлось вслѣдствіе враждебности тогдашнихъ отношеній съ Текинцами.

II.

Насколько блѣдна и не интересна исторія настолько оригинальны и интересны нравы и обычаи Ахаль-Текинцевъ. Беззавѣтная храбрость и самолюбивая гордость—основныя черты въ ихъ характерѣ. Уже по важной, презрительной осанкѣ видно какимъ кровнымъ аристократомъ считаетъ себя Текинецъ; затѣмъ спокойный, твердый взглядъ, даръ слова, отсутствіе унижительнаго поклона со скрещенными на груди руками; присущаго всѣмъ народамъ Востока, невольно заставляютъ васъ обращаться съ нимъ иначе чѣмъ съ Персіяниномъ, Бухарцемъ и т. п.

Текинецъ съ дѣтства привыкаетъ къ свободѣ и умѣетъ защищать ее. Въ четырнадцать лѣтъ онъ вполне правоспособный членъ семьи и общества. Ханъ, сердаръ, аксакаль, мулла признаются имъ настолько насколько они кажутся ему нужными, и не могутъ разчитывать на повиновеніе.

Примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Въ 1877 году къ генералу Ломакину явился одинъ изъ сильнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ, ахаль-текинскихъ хановъ Софи-ханъ, управлявшій ближайшими къ Красноводску „курманами“ (аулами), и отъ лица всего народа заявилъ согласіе добровольно перейти въ подданство Русскаго Царя и на русскихъ подданныхъ Іомутовъ не нападать ни въ какомъ случаѣ. Переговоры еще не были окончены какъ 9 ноября того же года іомутскій аулъ Дажлы-Кабыль, лежащій только въ тридцати восьми верстахъ отъ Красноводска, разоряется до чиста текинскою молодежью; часть ограбленныхъ жителей избивается, часть уводится въ плѣнъ; Текинцы идутъ далѣе съ намѣреніемъ продолжать свое кровавое дѣло. Къ счастью русскій отрядъ вовремя отогналъ ихъ отъ другихъ ауловъ ожидавшихъ той же участи. Очевидно, ханъ началъ переговоры не заручившись согласіемъ своихъ подчиненныхъ, и переговоры эти, при безсиліи ханской воли, не привели ни къ какому результату.

Обязательную силу имѣютъ только постановленія народнаго собранія. Здѣсь рѣшаются всѣ важные вопросы, напримѣръ, о войнѣ, о заключеніи мира и т. п. Въ послѣднее время народное собраніе собиралось неоднократно. Когда генералъ Ломакинъ письменно требовалъ отъ Текинцевъ чтобъ они немедленно возвратили іомутскихъ плѣнниковъ, если не хотятъ увидѣть въ оазисѣ русскіе штыки, народное собраніе было созвано въ Геокъ-Теле. Тамъ подъ предсѣдательствомъ Курбана-Мурада-Имама было постановлено уважить желаніе генерала, несмотря на неудовольствіе хозяевъ плѣнниковъ, которые не получили ни малѣйшаго выкупа.

Затѣмъ собиралось еще народное собраніе послѣ того какъ Текинцы, подбитые яримъ руссофобомъ Худай-Верди-ханомъ на измѣну Русскимъ, услышали о походѣ русскихъ войскъ на оазисъ. Со страху они немедленно постановили послать нѣсколькихъ хановъ съ изъявленіями покорности.

Въ прошломъ году на собраніи въ Денгиль-Теле во время нашей экспедиціи было рѣшено бороться на смерть. Послѣдствія этого рѣшенія достаточно извѣстны.

Въ народномъ собраніи принимаютъ участіе всѣ слособные носить оружіе. Каждый взрослый Текинецъ имѣетъ на немъ право голоса. Но иногда оно составляется изъ депутатовъ отъ каждаго курмана, а иногда изъ хановъ, сердарей и

другихъ старшинъ. Духовныя лица имѣютъ въ подобныхъ собраніяхъ нередко преобладающее значеніе, по умѣнью разжигать религіозныя страсти. Многіе изъ нихъ совершали далекія путешествія въ Мекку, нѣкоторые побывали въ Константинополѣ, а одинъ доходилъ даже до могилы Алла въ Венгріи. Благодаря такимъ благочестивымъ путешествіямъ, всѣ эти имамы, муллы, ходжи и хаджи окружены въ глазахъ народа ореоломъ святости, особенно видѣвшіе могилу Пророка. Безъ ихъ участія не обходится ни одно важное государственное событіе: ни объявленіе войны, ни заключеніе мира, ни подчиненіе иноземному государю.

III.

Интересенъ обычай созванія шайки на набѣгъ. Кто-нибудь изъ сердарей или просто храбрыхъ и опытныхъ Текинцевъ выставляетъ у себя предъ кибиткой длинную пикву, на которой навязанъ родъ флага—яркоцвѣтный платокъ. Вѣсть о призывѣ разносится по ауламъ съ быстротою молніи. Молодежь жаждущая приключеній и наживы собирается со всѣхъ сторонъ, втыкая пиквы у кибитки сердаря. Какъ скоро ихъ окажется нужное для набѣга количество, дается сигналъ къ выступленію. Съ этой минуты шайка поступаетъ подъ строгую команду атамана. Добыча распределяется заранее: извѣстная часть атаману, извѣстная муллѣ, остальное дѣлится между простыми всадниками. Женщины въ это время готовятъ продовольствіе—жаренныя въ бараньемъ салѣ лепешки, приблизительно на восемь дней. Наконецъ сборы окончены, шайка трогается, провожаемая благословеніями муллъ и имамовъ, ободрительными криками стариковъ, а не рѣдко и умильными просьбами женщинъ... о золотыхъ и серебряныхъ украшеніяхъ. О! онѣ не пропустятъ случая напомнить лишній разъ своимъ мужьямъ и братьямъ объ этихъ такъ необходимыхъ имъ предметахъ!.. Комплектъ лошадей у шайки непременно двойной. До границы она добирается на тѣхъ что лохуже, ведя хорошихъ въ поводу, съ границы плохія лошади отправляются обратно, и дальнѣйшій походъ дѣлается уже на свѣжихъ лихихъ скакунахъ. Заботливость Текинца о лошади въ походѣ изумительна. Въ то время какъ самъ онъ часто въ лохмотьяхъ, лошадь его постоянно въ серебрѣ,

золотѣ и дорогихъ полонахъ; самъ онъ мучится голодомъ, а лошадь доѣдаетъ его собственныя послѣднія лепешки, онъ томится жаждой, а ужъ не утерпитъ чтобы не напоить ее остатками воды засыхающаго колодца. И надо замѣтить что текинская лошадь стоить такого вниманія. По бѣгу, выносливости и красотѣ она беспорно изъ лучшихъ въ Средней Азіи и едва ли уступитъ даже арабской. Не даромъ дороже роднаго брата цѣнить ее Текинецъ.

Вооруженіе шайки обыкновенно пестрое и плохое, не то что у сосѣдей—Персіянъ, Бухарцевъ и др. У однихъ наѣзниковъ острия и какъ у всѣхъ магометанъ-Азіатовъ кривыя сабли, но изъ неважнаго матеріала, хорошій клинокъ, рѣдкость; у другихъ тяжелыя длинныя калсюльныя ружья, короткихъ немного. Иногда къ нимъ придѣлываются рожки изъ кости, на которые кладется, если это нужно, ружье во время стрѣльбы. У большинства—пики, и у всѣхъ по небольшому ножу—принадлежность каждаго Текинца. Рѣдко попадаетъ и русская двустволка.

Очевидно съ такимъ вооруженіемъ можно разчитывать на успѣхъ единственно при быстротѣ и неожиданности нападенія. И Текинцы понимаютъ это отлично. Какъ молнія налетаютъ они на блуждающіе въ степи персидскіе, бухарскіе и хивинскіе караваны, о которыхъ нерѣдко сообщаютъ имъ персидскіе начальники (конечно за хорошее вознагражденіе). Рѣзня происходитъ безпощадная. Чрезъ нѣсколько мгновеній сопротивленіе становится невозможнымъ. Уцѣлѣвшіе сдаются и уводятся въ плѣнъ, шайка съ добычей исчезаетъ еще быстрѣе чѣмъ произвела нападеніе. Тотъ же пріемъ употребляется при набѣгѣ и на города, на аулы. Но вотъ что изумительно: Текинцы весьма рѣдко нападаютъ на такія мѣста гдѣ можно ожидать потери, изумительно тѣмъ болѣе что репутація ихъ храбрости безупречна. Грабежъ города или аула сопровождается страшнымъ кровопролитіемъ; все престарѣлое населеніе немилосердно вырѣзывается, молодые и дѣти забираются въ плѣнъ для торговли на средне-азіатскихъ рынкахъ человѣческаго мяса. Болѣе всего страдала отъ текинскихъ набѣговъ персидская провинція Хирасанъ, но 150 лѣтъ назадъ въ царствованіе Аббасъ-Мирзы въ сѣверную часть Хирасана было выселено до 15.000 семей Курдовъ, и въ настоящее время они составляютъ преобладающую часть населенія въ провинціяхъ Дерегаса, Бунджур и Куганъ. Курды

представляют надежный оплотъ противъ Текинцевъ; не менѣе воинственные они отвѣчаютъ на каждый набѣгъ тѣмъ же.

Какъ бы то ни было, Текинецъ въ настоящее время гроза Средней Азіи. Его имя—синонимъ разрушенія. Онъ гроза трусливыхъ сосѣдей — Хивинцевъ, Бухарцевъ. На грабежъ и на убійство у него свои оправданія. Убивая Европейца, онъ выполняетъ требованія Корана: Европеецъ „дьяуръ“, а „дьяуровъ“ надо бить. Магометъ сулитъ ему гурій за этотъ религіозный подвигъ, словомъ, какъ разъ ту предельную награду, которую онъ по бѣдности не пользовался въ этомъ мірѣ, если разумѣется не принадлежалъ къ счастливому сонму хановъ и сердарей; убивая Персіянина онъ убиваетъ еретика, шиита, и мулла докажетъ ему что за это никакого наказанія не полагается, все равно какъ за смерть Хивинца, Бухарца или Авганца, съ которыми у него старинная „кровная месть“.

Кровная месть—обычай весьма распространенный между Текинцами, какъ и вообще между всѣми народами на низшей степени культурнаго развитія. Не рѣдко, начинаясь изъ-за пустяковъ, изъ-за какого-нибудь краденаго барана, она втягивается въ борьбу цѣлыхъ племенъ и скоро принимаетъ характеръ и размѣры междоусобицы. Аулы съ обѣихъ сторонъ горятъ яркимъ пламенемъ, отбивается баранта и верблюды, нѣтъ пощады даже дѣтямъ и женщинамъ, вопреки обычаю всѣхъ патріархальныхъ воинственныхъ народовъ. У кавказскихъ племенъ, у Черногорцевъ, Арабовъ—вездѣ женщина пользуется безопасностью во время междоусобной войны и даже въ случаѣ надобности находитъ покровительство у той самой партіи, которая съ удовольствіемъ убьетъ ея мужа, брата или сына. У Текинцевъ наоборотъ, и это обстоятельство еще болѣе разжигаетъ общее ожесточеніе. Воюютъ не только отдѣльныя племена, но даже аулы распадаются на враждебные лагери, часто случается что члены одной и той же фамиліи встрѣчаются на полѣ битвы съ оружіемъ въ рукахъ. Самое устройство текинскихъ селеній указываетъ на ихъ любовь къ вѣчнымъ ссорамъ. Дома непремѣнно съ бойницами, на случай неожиданнаго нападенія сосѣдей, на огородѣ башни, тоже съ бойницами. Въ обычаѣ „выкупъ“ за убитаго или за нанесенную рану; размѣръ выкупа назначается каждый разъ особо родственниками убитаго или раненаго. Замиреніе выражается въ цѣлованіи

виновника съ родственниками потерпѣвшаго и начальниковъ обоихъ родовъ. Затѣмъ приносятся самый выкупъ и обычные подарки. Все завершается пиромъ, на которомъ почетное мѣсто отводится пилаву, баранинѣ и кислому верблюжьему молоку. Если же примиреніе не состоялось, и вражда продолжается со всѣми ея кровавыми послѣдствіями, въ дѣло вмѣшивается народное собраніе. Но конечно и оно оказывается безсильнымъ, когда вражда принимаетъ характеръ племеннаго поединка, какъ это было въ недавнее время между Мервомъ и Ахаль-Теке. Открылъ рѣзню Нуль-Верди-ханъ мервскій. Онъ двинулъ 2.000 всадниковъ на восточную часть Ахаль-Текинскаго оазиса, которою владѣли четыре хана. После долгой, ожесточенной борьбы дѣло однако кончилось ничѣмъ. Мы не говоримъ уже о постоянныхъ схваткахъ съ Юмутами, Соларами и другими маленькими народами: онѣ обыкновенное явленіе.

IV.

Печальна участь того кому доведется упасть въ лѣвнѣ Текинцамъ. Многіе изъ нашихъ солдатъ испытали это на себѣ. Приводимый ниже разказъ принадлежитъ канониру Никитѣ Цивашеву, проведенному около трехъ мѣсяцевъ въ текинскихъ аулахъ.

7 октября 1878 года, шестеро канонировъ: я, Мягкій, Пантюшинъ, Зиманъ, Петинъ и Макаровъ отправились безъ оружія на десять верстъ отъ крѣпости Чата ласти верблюдовъ и набрать корму для лошадей. Придя на мѣсто и не ожидая никакой опасности мы разошлись въ разныя стороны чтобы скорѣе окончить дѣло. Одинъ со скуки лѣлъ, другой насвистывалъ, третій табачкомъ баловался, но никто не замѣтилъ что изъ кустарника давно подкарауливаютъ насъ разбойничьи рожи Текинцевъ. Выждавъ удобную минуту они бросились на насъ съ дикимъ крикомъ. Мы бросились бѣжать, но развѣ можно убѣжать отъ быстрой лошади Текинца. Не спасли насъ и поля засѣянные рожью. Одинъ только Макаровъ успѣлъ уйти на нѣсколько сотъ шаговъ, но эта дерзость не прошла ему даромъ: взбѣшенный Текинецъ однимъ ударомъ отсѣкъ бѣглецу голову и затѣмъ, соскочивъ съ лошади, нѣсколько разъ проткнулъ еще трепещущій трупъ маленькимъ ножомъ. Наконецъ, убѣдившись что Макаровъ отдалъ Богу

душу, онъ снялъ съ убитого салюги и брюки и присоединился къ своимъ товарищамъ. Мы въ это время стояли согнанные въ кучу; происходившая предъ нашими глазами вышеописанная сцена оледѣнила въ насъ кровь, казалось сердце по временамъ перестаетъ биться. Между тѣмъ убійца, глядя на насъ улыбающимися глазами, говорилъ что-то товарищамъ. Одно мгновеніе мы думали что и всѣхъ насъ ожидаетъ участь Макарова. Наконецъ ударъ нагайки по лицу и выраженное знаками приказаніе слѣдовать за побѣдителями рѣшили сомнѣнія. Намъ оставляли жизнь! Слава Богу! Мы можемъ еще наткнуться на казачьи пикеты. Можетъ-быть и правительство приметъ въ насъ участіе, выкупитъ или потребуетъ нашей выдачи. Наконецъ намъ улыбалась надежда на побѣгу. Удары текинской веревки скоро отрезвили наши мечтанія. Насъ погнали въ аулъ. Но трудно было сравняться въ выносливости съ текинскими лошадьми. Чѣмъ дальше мы шли тѣмъ болѣе уставали и тѣмъ болѣе доставалось намъ ударовъ. Боль была нестерпимая. Веревка врѣзывалась въ тѣло; мѣстами сочилась кровь; начались головокруженія. Но все это не надолго. По крайней мѣрѣ у меня спина и плечи скоро омертвѣли и я ничего уже не чувствовалъ. Во все время нашего бѣдственнаго путешествія мы не успѣли даже переговорить другъ съ другомъ, только изрѣдка слышался отчаянный вопль Петина: „Господи Боже мой, умираю!..“

Такъ шли мы почти рысью до вечера. Вечеромъ отдохнули на берегу какой-то рѣчки. Текинцы напоили лошадей, но намъ воды не дали. А жажда мучила ужасно. За каплю воды кажется отдалъ бы все въ мірѣ. Зиминъ такъ и бросился къ рѣкѣ, но текинская веревка удержала несчастнаго.

Все время получасоваго, если такъ выразиться, отдыха Текинцы горячо разсуждали о чемъ-то. По жестамъ было видно что они не знали какъ насъ раздѣлить. Одинъ изъ нихъ подходилъ ко мнѣ, медленно и внимательно осматривалъ мои ноги и руки, одобрительно качая головой. Другіе продолжали ту же процедуру съ моими товарищами. Вышелъ еще споръ по поводу изъ-за нашихъ костюмовъ; наконецъ намъ приказали встать и тронуться въ путь.

Всю ночь мы тащились привязанные веревками къ лошадямъ; утромъ часа съ три отдыхали въ степи, часовъ въ десять двинулись снова и наконецъ съ невѣроятными усилиями добрались до крѣпости Кара-Кала. На встрѣчу вышелъ весь

аулъ: и старые и молодежь. Всѣ громкими криками привѣтствовали возвратившихся съ набѣга наѣздниковъ. Насъ ждали привѣтствія инаго рода. Мушны били ногами, женщины плевали въ глаза, дѣти бросали въ лицо грязью, наши хозяева стегали насъ веревками чтобы выразить крайнюю степень презрѣнія къ проклятымъ гяурамъ. Намъ оставалось только проклинать день рожденія и несчастную судьбу! Никогда я не просилъ смерти, но тогда умеръ бы съ удовольствіемъ. Нескончаемый рядъ оскорбленій, плевки, удары, страданія отъ вчерашнихъ побоевъ,—все это отозвалось во мнѣ какою-то тулою, неизъяснимою болью зетемнявшею сознаніе.

Замѣтивъ что мы еле-еле держимся на ногахъ, намъ приказали сѣсть и изъ какой-то грязнѣйшей посуды дали напиться, но не вдоволь. Нѣсколько лепешекъ утолили нашъ голодъ. Нечего и говорить какими вкусными онѣ оказались, несмотря на постоянные плевки въ лицо и стрѣльбу навозомъ.

Теперь у насъ настала минута переговоровъ другъ съ другомъ. Но никто не заговаривалъ. Одинъ только произнесъ съ тоской въ голосъ: „пропали мы!“ „Вишь проклятые нехристи, покою не даютъ!“ отозвался другой, злобно глядя на кидавшихся грязью ребяташекъ. Этимъ и кончился разговоръ.

На другой день насъ раздѣли почти догола и одежду межъ собой раздѣлили. Меня и Петина погнали наѣво, остальныхъ направо. „Прощайте братцы!“ прозвучалъ тоскливый общій крикъ, и мы разстались.

Говорятъ есть много мученій на свѣтѣ, но едва ли есть болѣе жестокое какъ идти по острымъ камнямъ и колючкѣ безъ обуви. Сначала еще стараешься выбирать мѣсто, но это ни къ чему не служитъ. Текинцу нѣтъ ни охоты ни надобности обѣзжать неудобныя для ходьбы мѣстности, и вы, притянутый веревкой къ лошади, идете не разбирая на что наступаете. Колючки вливаются въ подошву, камни рвутъ кожу, боль страшная, но вы къ ней уже привыкли. Вы ни на что уже не обращаете вниманія. Отчаяніе притуляетъ даже физическую боль.

Такимъ-то образомъ мы шли до ночлега. Я уснулъ какъ убитый. На другой день часовъ въ 11 утра мы были уже въ Кара-Калы. Встрѣтили насъ такъ же какъ и въ предыдущемъ аулѣ. Повторились обычные радостные крики адресованные нашимъ мучителямъ и плевки, ругань и оскорбленія

намъ. Нѣсколько дней мы не знали покоя, пока къ намъ не привыкли.

Хозяинъ нашъ былъ бѣднякъ и даже не имѣлъ цѣльной кибитки. Все его имущество заключалось въ прелестной лошади и пожилой Персіянкѣ-рабынѣ. Лошадь по ночамъ заковывалась, очень ужъ боялся хозяинъ чтобъ ее не угнали, меня на ночь привязывали къ палаткѣ. Двадцатифунтовыя кандалы само собой.

Черезъ нѣкоторое время мое положеніе опредѣлилось. Я рабъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Мои обязанности въ тасканіи воды и сборѣ на топливо колючки. Въ случаѣ плохого сбора меня бьютъ такъ что кости хрустятъ. Кормятъ плохо, на день полагается не больше полутора фунтовъ лепешекъ, жареныхъ въ бараньемъ салѣ, разъ въ недѣлю пилавъ. Вмѣсто одежды идетъ халатъ старый-престарый, шапка солдатское кепи и всегда безъ сапогъ. Слуста нѣкоторое время мнѣ разрѣшаютъ свиданія, съ Петинымъ живущимъ въ подобной же обстановкѣ. Сядемъ, поговоримъ о бѣгствѣ, о выкупѣ, о свободѣ. Два часа пролетаютъ незамѣтно. Пора по домамъ... Дома единственное существо симпатизирующее мнѣ плѣнная Персіянка. Одинаковая бѣдственность положеній сближаетъ людей, и мнѣ только остается благодарить Бога что у Текинцевъ нѣтъ обычая заковывать женщинъ.

Въ одно прекрасное утро около кибитки нашего хозяина столпился весь почти аулъ. Въ чемъ дѣло? Оказалось что это намъ такая честь. Весь аулъ пришелъ обращаться насъ въ магометанство. Но мы отказались на отрѣзъ. „Лучше умереть чѣмъ измѣнить православію!“ Первое повидимому было весьма возможно; по крайней мѣрѣ апостолы магометанства пришли въ такую ярость что принялись бить насъ чѣмъ люladı. Но къ счастью вступились хозяева. Мы вѣдь все-таки были имъ дороги какъ дорога всякая рабочая сила.

Наконецъ мѣсяца черезъ два я получилъ письмо отъ моего командира, штабсъ-капитана Гойтинова, въ которомъ онъ убѣждалъ меня не унывать, возложить улованіе на Бога и т. п. Письмо оканчивалось обѣщаніемъ выручить меня въ скоромъ времени. Я со своей стороны описалъ какъ умѣлъ всѣ мои мученія и просилъ послѣшить, пока я не умеръ. Петинъ между тѣмъ, помня поговорку: „на Бога уловай, а самъ не плошай“, попробовалъ было сластись собственными силами и уже убѣжалъ на десять верстъ, но на

одинадцатой былъ схваченъ. Хозяинъ, узнавъ о побѣгѣ, взбунтовалъ весь аулъ. Всѣ у кого случились на ту пору лошади пустились въ погоню и Петинъ былъ привезенъ обратно, избитый безъ милосердія. У Текинцевъ стыдъ и срамъ тому аулу изъ котораго убѣжить плѣнникъ, вотъ почему они такъ усердно и преслѣдуютъ бѣжавшаго.

Вслѣдъ за полученіемъ письма отъ командира со мною начали обращаться по человѣчески, пищу улучшили и увеличили. Текинецъ чуялъ выкупъ, а это для него великое дѣло. Вскорѣ пріѣхалъ Текма-сердаръ (тотъ самый что въ прошлую экспедицію слѣдовалъ вмѣстѣ съ нашимъ отрядомъ и подъ конецъ бѣжалъ); онъ увезъ меня въ свое селеніе, гдѣ я и прожилъ двадцать дней въ полномъ довольствѣ. Мяса, молока, лепешекъ было сколько душѣ угодно. Затѣмъ сынъ Текмы препроводилъ меня въ землю Гоклановъ. Я шелъ все время пѣшкомъ, но такъ уже привыкъ къ этому способу путешествія что не чувствовалъ боли. Въ землѣ Гоклановъ я прожилъ 18 дней, а на девятнадцатый былъ отосланъ въ Чатъ на руки пристава, капитана Якубова.

Участь Петина—несчастіе; его купила богатая текинская вдова и никакъ не хочетъ выпустить, пока Русскіе не возвратятъ взятаго въ плѣнъ ея сына. Затѣмъ въ текинскихъ аулахъ томятся еще трое солдатъ. Недавно (въ 1879 г. въ августѣ) сотня казаковъ освободила рядоваго Александропольскаго полка—забылъ его фамилію. Онъ былъ закованъ въ лудовыя кандалы. Жизнь его у Текинцевъ во многомъ напоминаетъ приключенія Цивашева. Только женщины относились къ нему благосклоннѣе. Днемъ въ присутствіи мужей онѣ дѣлали видъ что его и не замѣчаютъ, но по ночамъ когда мужей не было дома, онѣ старались всѣми способами развлечь скучающаго плѣнника. Александрополецъ даже покраснѣлъ на этомъ мѣстѣ разказа, хотя и прибавилъ послѣ минуты молчанія: „а все-таки, ваше благородіе, въ плѣну должно-быть хуже чѣмъ въ аду“. Блѣдная, исхудалая его физиономія была лучшимъ доказательствомъ такой неожиданной сентенціи.

V.

Разъ упомянувъ о текинскихъ женщинахъ, я считаю своею обязанностью подѣлиться съ читателемъ и другими соборанными мною свѣдѣніями относительно какъ физическихъ и моральныхъ особенностей этихъ женщинъ, такъ и условій ихъ быта. Начнемъ съ наружности. На избалованный глазъ Европейца она едва ли покажется привлекательною. Цыганская смуглость кожи, черные суженные глаза, ротъ большихъ размѣровъ, черные густые волосы и выдающіяся скулы приближаютъ Текинокъ къ монгольскому типу, а ранняя половая жизнь, начинающаяся съ тринадцатаго года, кладетъ на ихъ лица непріятный отпечатокъ изнуренія и преждевременнаго увяданія, предъ которымъ блѣднѣютъ обычныя достоинства текинской женщины: красивый стройный ростъ и сильно развитыя упругія формы. Одежда у всѣхъ одинаковая: разноцвѣтный халатъ, не безъ вкуса вышитый шелками, затѣмъ шаровары и широкій поясъ отдѣланный серебромъ и камнями сердолика. Серебряныхъ украшеній множество; они вездѣ: въ ушахъ, на головѣ, на шеѣ: вѣдь не даромъ же грабилъ Текинецъ шесть столѣтій Среднюю Азію.

Несмотря на низкій уровень цивилизаціи Текинскаго народа, женщина находится совсѣмъ не въ такомъ печальномъ положеніи въ какомъ мы привыкли встрѣчать ее у другихъ народовъ Востока, а особенно въ Средней Азіи. Она живетъ такъ же открыто, свободно, какъ и ея мужъ. О покрывалѣ закрывающемъ Турчанку она не имѣетъ понятія. Каждый посторонній можетъ имѣть къ ней доступъ. На общественныхъ пиршествахъ и увеселеніяхъ у нея свое мѣсто, какъ и за семейнымъ столомъ. Въ случаѣ жестокаго обращенія мужа она имѣетъ право требовать суда и даже развода. Надъ ея имуществомъ мужъ не имѣетъ никакой власти,—онъ не можетъ напримѣръ распоряжаться приданымъ жены—кибиткой, въ которой она и живетъ послѣ свадьбы, не смѣшиваясь съ другими женами мужа. При разводѣ она имѣетъ полное право унести съ собой все свое имущество, которое принесла изъ родительскаго дома. Текинецъ въ свою очередь имѣетъ право бросить безнаказанно жену только въ извѣстныхъ случаяхъ опредѣленныхъ обычнымъ правомъ. Къ числу

такихъ случаевъ относится, напримѣръ, бездѣтность жены, зараженіе ея какою-нибудь хроническою прилипчивою болѣзнію и т. под.

Рожденію Текинки отецъ радуется почти какъ и рожденію сына. Падкій до наживы, онъ съ перваго же дня новорожденной начинаетъ мечтать о богатомъ „калымѣ“, который получитъ за будущую красавицу-дочь. Первоначальнымъ воспитаніемъ ребенка занимается мать; рѣдко оно предоставляется рабынямъ. На шестилѣтнемъ возрастѣ дѣвочку учатъ прясть шить и вязать знаменитые текинскіе ковры, съ которыми не могутъ сравниться даже персидскіе. Трудно представить сколько изящества, вкуса въ этихъ рисункахъ и узорахъ вытканыхъ руками Текинки безъ помощи какихъ бы то ни было инструментовъ. А между тѣмъ одна женщина въ теченіе года приготовляетъ обыкновенно до двухъ и трехъ ковровъ въ пять аршинъ шириной и въ десять длиной. Этими коврами устилаются кибитки, а иногда, особенно въ праздничные дни, обиваются снаружи.

Такъ растетъ дѣвочка, помогая работать матери, до десяти или—самое большее—до двѣнадцатаго года: въ этомъ возрастѣ, благодаря климатическимъ условіямъ, она становится способною быть матерью. Отцы пятнадцатилѣтнихъ мальчугановъ держатъ ее на примѣтѣ. Скоро начинается сватовство. Отецъ жениха отправляется къ будущему тестю узнавать сколько онъ хочетъ калыма за свою дочь. Тотъ въ восторгѣ, завѣтная мечта о богатомъ калымѣ исполняется. Онъ принимаетъ важный видъ и не безъ эффека объявляетъ: „сто барановъ и нѣсколько верблюдовъ“. Отецъ жениха пораженъ такою дороговизной и даетъ половину. Начинается переторжка. Въ самую рѣшительную минуту появляется на сценѣ невеста. Она видимо подготовлена къ пріѣзду отца жениха—пріодѣта и причесана. „Ты только взгляни на нее, могу ли я взять меньше? жалобно взываетъ ея батюшка.—Чѣмъ не хороша она? Давай, не скупись; вѣдь не найти тебѣ лучше!“ Отецъ жениха мало-по-малу соглашается,—вопросъ только въ приданомъ, но онъ разрѣшается къ общему удовольствію. Отецъ невесты пересчитываетъ ея имѣніе.—„У нея три кибитки, пять ковровъ, четыре дорожки, нѣсколько халатовъ, ожерелье и множество другихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній; видишь, мой другъ, какую находку ты

нашелъ“.—„Аллахъ милостивъ!“ отвѣчаетъ тотъ и оба садятся на полъ и начинаютъ руками уничтожать рисовую кашу и жареную баранину.

Такимъ образомъ часто случается что женихъ и не видитъ невесты до дня свадьбы. Бываетъ и наоборотъ: молодые люди обходятся и безъ участія отцовъ. Въ этомъ случаѣ женитьба украшается какимъ-нибудь романическимъ происшествіемъ, которое всегда оканчивается удачно если у жениха есть чѣмъ заплатить „калымъ“ и очень грустно для него если нечѣмъ. Родня невесты мститъ оскорбителю и не рѣдко убиваетъ его. Не рѣдко ссора оканчивается и примиреніемъ: молодца отправляютъ на грабежъ, и онъ не имѣетъ права возвратиться прежде чѣмъ награбитъ на уплату калыма. Такого рода происшествія служатъ обыкновенно любимой темой текинскихъ народныхъ пѣсенъ.

VI.

Въ глухую полночь, въ Теръ-Сакана, у пылавшаго костра, сидѣлъ я съ карандашикомъ и листкомъ бѣлой бумаги въ обществѣ пралорщика Самата, Татарина говорящаго по-текински, и двухъ пожилыхъ Текинцевъ. У нихъ, благодаря коньяку, давно развязался языкъ и загорѣлась кровь. Вдругъ одинъ изъ нихъ, смуглый какъ ночь, прожившій уже полстолѣтія, слабымъ и тихимъ голосомъ затянулъ пѣсню, болѣе похожую на речитативъ чѣмъ на пѣніе, содержаніе которой я и передаю:

Готовъ и я! Верблюды навьючены,
Сняты кибитки хозяйскія...
Прелестный край покидать мнѣ приходится!
Воды ужъ нѣтъ, родники всѣ повысохли,
Какъ алмазъ небо чистое.
Не одинъ иду я въ степь глубокую,
Весь аулъ со мною тронулся,
И она идетъ, красавица.
Хороша она! Станъ—арабской лошади,
Брови—крылья ворона,
Рѣсницы—копья вострыя,
Берегущія очи черныя.
Очи черныя—звѣзды ясныя,
А какъ взглянешь въ лицо ея бѣлое,—

Точно колья вострыя
Въ груди твердой сердце нѣжное
Прокалываютъ!...
А волосы... Что за волосы!..
Не хуже гривы лошади,
Не жестче шелка мягкаго,
Змѣиныхъ кожъ нѣжнѣй.
А ротикъ, кровью смазанный!
Горячѣ онъ въ десять разъ
Десяти огней,
Полнѣ онъ въ десять разъ
Десяти ручьевъ,
Слаще меда сладкаго.
Охъ, позволь же мнѣ, красавица,
Прикоснуться къ ротуку,
Что горяче пламени,
Богаче быстрого ручья!
Тогда согласенъ буду, милая,
Прожить съ тобой всю жизнь мою
Въ пустырь глухомъ, засушенномъ.
Боишься ль ты что углядитъ отецъ
И скажетъ: „брось ты бѣднаго!“
Нѣтъ у него и барана ни единого...
А ну его! Пусть ворчитъ что вздумаетъ
Только ты-то полюби меня, милая!
Какъ полюбишь ты—мнѣ все равно
Убитымъ быть или задушеннымъ!
Согласна ли, моя дѣвушка?
Бѣжимъ скорѣе въ горячіе пески.
Среди ласкъ любви посмѣемся мы
Надъ ночью темною,
Надъ ночью темною, надъ звѣздами ясными,
Надъ звѣздами ясными, надъ сѣдымъ отцомъ.
А поймаютъ насъ—мнѣ все равно
Убитымъ быть... Убитымъ быть
Или задушеннымъ...
И убѣжали мы въ пески горячіе,
Цѣловались столько разъ
Сколько звѣздъ на небѣ было.
И вдругъ чортъ вскружилъ намъ голову:
Проспали ночь темную
Подъ небомъ голубымъ.
А на зорѣ предъ нами сталъ
Отецъ озлобленный съ саблей вострою, наточенною.

Грозилъ онъ мнѣ: „убью тебя!
Убую тебя какъ Персіянина!“
Отвѣтилъ я: „мнѣ все равно
Убитымъ быть, убитымъ быть
Или задушеннымъ“.
Но храбрый Теке пощадилъ меня,
Пощадилъ съ такимъ условіемъ:
„Дамъ тебѣ я саблю вострую,
И лошадь быструю, какъ молнія,
Отправляйся къ трусамъ Персіи
И ограбь ихъ ты, какъ слѣдуетъ,
Затѣмъ, съ калымомъ приходи
И дочку милую возьми,
Дочку милую, несчастную.
А то—Кораномъ я клянусь!—
Убую тебя какъ Персіянина.“
И я поѣхалъ въ страны Персіи,
Ограбилъ тамъ кибитки съ три,
Угналъ коней съ верблюдами,
Калымъ богатый вылатилъ
И взялъ съ собою милую.
Мнѣ не все равно теперь—
Убитымъ быть или задушеннымъ.

Изъ этого образка народной поэзіи (за дурной не рифмованный переводъ котораго я прошу извиненія у читателей) видно что закаленный въ бояхъ, вѣчно занимающійся грабежемъ и убійствами Текинецъ способенъ любить и любить такъ нѣжно и пламенно какъ дай Богъ Европейцу. Мнѣ скажутъ: что за любовь, если жену покупаютъ какъ барана? но я отвѣчу на это что остатокъ древняго обычая, покупка и продажа невѣсты, сохранился у всѣхъ народовъ, и намъ самимъ въ нашей жизни приходится нерѣдко наблюдать подобныя же явленія, только въ менѣе грубой, въ вылощенной формѣ.

VII.

Но чѣмъ больше и нѣжнѣе любить Текинецъ молодую жену тѣмъ холоднѣе и беззаботнѣе относится къ старымъ и въ случаѣ опасности оставляетъ ихъ безъ сожалѣнія на произволъ судьбы. Такъ мнѣ разказывалъ пралорщикъ Самать что когда онъ во время набѣговъ на колодцы въ пескахъ атаковалъ текинскій аулъ, поднимавшійся съ мѣста, то

Текинцы, увидѣвъ свое безвыходное положеніе, оставили старыхъ бабъ, а съ молодыми ускакали на быстрыхъ лошадяхъ въ лески. Одна изъ собранныхъ мною лѣсенъ говоритъ между прочимъ:

Я окруженъ, и все пропало...
 Не въ лѣнъ ли суждено пасть?
 Жену, дѣтей и три кибитки,
 Верблюдовъ всѣхъ возьмутъ они,
 Эти изверги, скоты!
 Бѣжать мнѣ нужно,
 Самъ Аллахъ бѣжать велитъ.
 Оставляю жъ я всѣхъ женъ моихъ,
 Возьму одну—новобрачную мою.
 Лухой насъ конь умчитъ далеко
 Въ глухую степь.
 А тѣ—старье; умрутъ—не жалко,
 Дѣтей Аллахъ подастъ всегда:
 „Она“ такъ красива, молода.
 И такъ бѣжать! Мой острый мечъ
 Сумѣетъ путь для насъ просѣчь!

Не рѣдко Текинецъ измѣняетъ старымъ женамъ даже для рабынь-Персіянокъ, хотя никогда не женится на рабыняхъ, какой бы онѣ ни были націи и вѣры. Въ этихъ случаяхъ онъ пользуется просто правомъ хозяина. Тилъ персидскій у Текинцевъ не рѣдкость, какъ и рабыня Персіянка. Въ какихъ отношеніяхъ находятся хорошенькія лѣвницы къ законнымъ женамъ видно изъ слѣдующей лѣсни:

Не будь ты рабыней, прелестная Персіянка,
 Владѣла бы ты сердцемъ молодымъ,
 Любилъ бы тебя я больше лошади
 И кибитки родовой,
 Больше сабли окровавленной
 И колья ядомъ смазаннаго.
 Но ты рабыня, и быть матерью
 Не можешь сыну моему.
 Оставимъ поэтому грезы пустыя,
 А то увидать жены вѣрныя,
 Оцарапаютъ лицо твое бѣлое,
 Испортятъ твои плечи алыя,
 Отрѣжутъ косы черныя,
 Закуютъ въ цѣпи холодныя:
 Въ нихъ ты будешь вѣчно мучиться.

Мнѣ жаль тебя, но все равно
 Полюби—куда не шло—меня, красна дѣвица;
 Бѣги со мной въ ночь темную,
 Проведемъ въ любви ее,
 Пока ясная заря востока не покажется,
 Румянымъ вуалемъ укутанная,
 На головѣ жемчужину несущая,
 Звѣзду утреннюю, блестящую.
 Пойдешь ли ты? Гляди—убью какъ Персіянца!
 Ужъ купить у меня кровь горячая,
 Сердце бьется молодецкое,
 И конь стоитъ осѣдланый.
 А ночь смотри какая темная!
 Темнѣй она глухой могилы,
 Но коротка какъ жизнь людская.
 Иди скорѣй!

Такимъ образомъ положеніе красивой Персіянки можетъ назваться невыносимымъ. Съ одной стороны она должна удовлетворять желаніямъ своего хозяина, и если заупрямится подвергается опасности быть убитою; съ другой ее преслѣдуетъ ревность ея хозяекъ, которыя изъ зависти къ ея красотѣ строго слѣдятъ за поведеніемъ рабыни и чуть замѣтятъ что-нибудь подозрительное, то бьютъ несчастную, царапаютъ ей бѣлое лицо, отрѣзываютъ лучшее украшеніе женщины волосы и держатъ въ лудовыхъ кандалахъ, пока не утерится красота опасной соперницы. Случается и такъ что когда рабыня родитъ ребенка, то остальные жены его немедленно или убиваютъ или продаютъ.

Ревность присуща и Текинцу, но довольно строгая нравственность текинскихъ женщинъ не даетъ поводовъ къ ея возбужденію. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстенъ одинъ только случай кровавой расправы съ измѣнницей, и то потому что въ немъ соблазнителемъ явился одинъ изъ офицеровъ нашего экспедиціоннаго отряда, прапорщикъ милиціи Нуровъ.

Онъ пріѣхалъ къ намъ въ 1877 (какъ разъ въ то время когда генералъ-майоръ Ломакинъ собирался сдѣлать маленькую рекогносцировку въ Ахаль-Текинскій оазисъ) и былъ прикомандированъ къ казакамъ, именно къ Лабинской сотнѣ. Онъ былъ молодой человекъ и очень красивый и стройный, не безъ природнаго ума, но мало образованный и притомъ до того пылкій что то и дѣло навлекалъ на себя

непріятности съ начальствомъ и товарищами: не даромъ онъ въ Дагестанѣ родился. Въ обществѣ офицеровъ его менѣе любили чѣмъ боялись имѣть съ нимъ какое-либо столкновение. Хорошо знавшіе его люди увѣряли что его гордость, самолюбіе и честолюбіе были безмѣрны. Привычка гулять одному и мечтать о чемъ-то, а также страсть къ азартной игрѣ въ карты еще болѣе оттѣняли оригинальную фیزیомію Нурова.

Картежная страсть его и погубила. Онъ вѣчно проигрывалъ, и чѣмъ дальше тѣмъ больше входилъ въ долги. Проигравъ однажды небольшую сумму казенныхъ денегъ, не зная чѣмъ ее пополнить, онъ напалъ на мысль о побѣгѣ къ Ахаль-Текинцамъ. Другіе объясняли причину побѣга его постоянною мечтой сдѣлаться текинскимъ ханомъ.

А убѣждалъ онъ слѣдующимъ способомъ. Выѣхавъ однажды со своимъ вѣстовымъ казакомъ изъ крѣпости Чата, онъ приказалъ казаку слѣзть съ лошади, отдать ему берданку съ патронами и ждать на мѣстѣ пока онъ не вернется съ охоты. Казакъ, ничего не подозрѣвая, исполнилъ приказаніе офицера, ждалъ его до ночи, и только потомъ уже донесъ начальству о случившемся. Немедленно были высланы ликеты для разысканія исчезнушаго, но поиски были напрасны: Нуровъ въ это время былъ уже въ оазисѣ.

Пріѣхавъ къ Текинцамъ, разказывалъ послѣ Текма, вашъ офицеръ немедленно доказалъ что онъ магометанинъ и притомъ шіитъ, чѣмъ и заслужилъ радушный пріемъ хозяевъ. Онъ много разказывалъ о Россіи и Европѣ, хвасталъ своимъ высокимъ происхожденіемъ и личнымъ знакомствомъ съ „Бѣлымъ Царемъ“ и т. п. По-татарски онъ говорилъ безъ ошибокъ, и значить Текинцы понимали его свободно.

Немедленно по пріѣздѣ въ оазисъ онъ переслалъ какимъ-то способомъ записку своему бывшему начальству, въ которой извинялся что не предупредилъ о своемъ побѣгѣ. Записка оканчивалась обѣщаніемъ оказать современемъ великія услуги Россіи. О, въ то время у него были великіе замыслы!

Между Текинцами жилось ему недурно: они угощали его бараниной, а онъ ихъ сказками о Европѣ. Но время шло, а мечта о ханствѣ не осуществлялась. Текинцамъ и въ голову не приходило сдѣлать ханомъ малоизвѣстнаго бѣглеца. Чѣмъ бы увѣначались его исканія — сказать трудно: судьба распо-

рядилась съ нимъ совершенно иначе. Увидѣвъ однажды жену какого-то Мурада, по словамъ Текмы, красавицу неопи-санную, онъ влюбился въ нее что называется по уши. Красавица отвѣчала ему тѣмъ же. Скоро эта связь стала извѣст-на всему аулу и наконецъ самому Мураду. Мурадъ недолго думалъ: подкарауливъ однажды влюбленныхъ онъ ихъ обоихъ изрѣзалъ въ куски. Такъ погибъ нашъ пралорщикъ, жертвой своего пылкаго темперамента, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ.

А Мурадъ своимъ поступкомъ заслужилъ всеобщее одобре-ніе: такого рода убійство невѣрной жены и ея любовника на мѣстѣ преступленія санкціонировано Кораномъ. Я даже слы-шалъ, что и двое дѣтей несчастной женщины были убиты по подозрѣнію не отъ неблагодарнаго ли пришлеца они про-исходятъ.

VIII.

Трудно сказать какую роль играетъ женщина въ обще-ственныхъ сходкахъ, хотя и есть факты заставляющіе пред-полагать что роль эта не пассивная. Мнѣ лично въ послѣд-нюю Ахаль-Текинскую экспедицію по всей дорогѣ приходи-лось слышать что Текинцы укрѣпились въ Денгиль-Теле, взявъ съ собою своихъ женъ и дѣтей, а на мои вопросы: „почему они не спрятали ихъ въ другое болѣе безопасное мѣсто?“ мнѣ отвѣчали что хотя Текинцы и знаютъ какъ мало Урусъ оскор-бляетъ женщинъ и убиваетъ дѣтей и что хотя они имѣли возможность укрыть тѣхъ и другихъ въ горахъ или пескахъ, но мужья и жены не согласились на разлуку, а ханы, сердари и имамы были за то чтобы женщины присутствовали при сраженіи, ободряли храбрецовъ и упрекали трусовъ. Такіе отвѣты вполне подтвердились. 28 августа, при извѣстномъ штурмѣ Денгиль-Теле, я лично видѣлъ какъ женщины со стѣнъ и валовъ бросали камни, а многіе солдаты разказывали что женщины поливали ихъ кияткомъ. Кавалеристы стоявшіе на другой сторонѣ видѣли какъ женщины снимали съ убитыхъ Текинцевъ оружіе и надѣвали на себя. Въ то время какъ женщины пытались выйти изъ аула, а наша кавалерія

препятствовала ихъ выходу, одна изъ Текинокъ поболтавъ о чемъ-то съ Текинцемъ начала говорить съ нашимъ Дагестанцемъ и схвативъ его за руки этимъ позволила безнаказанно убить его Текинцу. Другая неся на рукахъ груднаго ребенка долго болтала на непонятномъ намъ языкѣ съ однимъ казакомъ, умоляя его о чемъ-то, и затѣмъ неожиданно пришла въ ярость, бросила ребенка подъ копыта лошадей, а сама накинута на казака и схватила его за саблю.

Про третью разказывалъ мнѣ докторъ Н слѣдующее: штурмъ главными силами еще не былъ произведенъ, какъ я, находясь съ кавалеристами, встрѣтился лицомъ къ лицу съ выходящими изъ Денгиль-Теле Текинками. Одна изъ нихъ еле двигалась, большое пятно крови показывало что она была ранена. И дѣйствительно при перевязкѣ оказалось что бедренная кость была въ двухъ мѣстахъ разбита въ дребезги. Несмотря на мучительную боль, отъ этой женщины никто не слышалъ ни крика, ни стона. Она только и спросила: „умру ли я?“ „Конечно умрешь“, отвѣтилъ ей равнодушный Дагестанецъ. „Что жъ, пусть умру, отозвалась она презрительно, но все-таки Аллахъ дастъ намъ побѣду.“

Сколько ихъ пало при штурмѣ Денгиль-Теле отъ ружейнаго и артиллерійскаго огня, Аллахъ одинъ вѣдаетъ, и все-таки онѣ не просили своихъ мужей сдаться „джаурамъ“.

Интересный фактъ случился по пути къ Денгиль-Теле въ аулѣ Дурума. Тамъ въ одной *кале* укрѣпился какой-то старикъ и упорно стрѣлялъ въ нашъ разъѣздъ, который вообразивъ что тамъ устроена засада принялъ должныя предосторожности, окружилъ *кале* и занялъ ее. Но какая же оригинальная картина предстала предъ глазами разъѣзда: смертельно раненный Текинецъ и возлѣ него какая-то женщина заряжавшая ему ружье.

Эта самая или—не знаю хорошо—другая встрѣтила нашихъ солдатъ, искавшихъ дровъ, на порогѣ своего дома и хотѣла ранить одного изъ нихъ ножомъ. Но тотъ проговоривъ флегматично: „спасибо, бабушка, ножъ пригодится“, быстро вырвалъ его у нея изъ рукъ.

Сколько я ни старался узнать какія существуютъ или, по крайней мѣрѣ, существовали въ этомъ народѣ героини, но узнать ничего не могъ. Разъ только мнѣ удалось слышать слѣдующую пѣсню:

Не храберъ однако ты!
Во сто разъ храбрѣй тебя Текинка;
Не разъ она на лихомъ конѣ
Во бою была,
Трусовъ къ прялкѣ привязывала и т. д.

Въ заключеніе я могу прибавить что въ Средней Азіи нерѣдко встрѣчаются женщины играющія большую политическую роль. Такъ, напримѣръ, въ Коканѣ Худояръ-ханъ далъ женщинѣ чинъ гинъ-датха (генераль-майора) и она называлась Курмоджанъ-датха.

И. ПОПОВИЧЪ-ЛИПОВАЦЪ.